

Об уважении к зрителю

В Читу приезжает классический балет! Ленинградский! Об этом недавно оповестили читинцев афиши. Правда, судя по афише, балет приезжает без оркестра, но... при современной радиотехнике можно добиться прекрасного звучания механической записи. Смущал и слишком небольшой состав танцоров (ву, что ж, массовые сцены будут не столь многочисленны) и упоминание одних и тех же фамилий в среди исполнителей лебедей и в каком-нибудь испанском танце, то есть и в чисто классическом танце, и в характерном, что не может одинаково успешно совмещаться. Но все-таки ведь это ленинградский балет!.. В два дня были распроданы все билеты, и на первом спектакле «Лебединого озера» весьма уютный, неудобный зал был переполнен.

Конечно, исполнители были поставлены в трудные условия: сцена очень мала, не имеет элементарных удобств, не имеет никакого оборудования и осветительной аппаратуры. Все это не могло не повлиять на качество спектакля. Вдобавок на сцене было холодно, и температура вовсе не располагала к легким «лебединым» одеждам. Все это так, и здесь уж повинна администрация филармонии, не сумевшая обеспечить лучшего помещения для гастролей.

Но самое главное заключается в ином: сам спектакль отличается весьма низким художественным уровнем. Это стало ясно с первых же минут крайне убогого изображения праздника в зале, и еще очевиднее во второй картине, с появлением лебедей. Ведь ленинградский кордебалет славится необычайной чистой линией, редкой слаженностью, отточенной техникой. Здесь у многих исполнителей не было ни того, ни другого. Хореография балета на каждом шагу упрощена, а многое просто выброшено из спектакля.

Судя по афише, это классическая постановка Льва Иванова. Конечно, ее можно изменять; но подобные изменения должны дирек-

товаться художественными соображениями, а не беспомощностью. Недостаток мастерства, техники, тренажа ощущался в спектакле на каждом шагу.

Нет поющих, лебединых рук и у арт. И. Афанасьевой (Одетта, Одилия). Актриса явно скована, особенно во второй картине, угловата, ее техника слаба, и поэтому образ Одетты пока еще мало удается. Несколько лучше и смелее стремится она выразить характер Одилии, но здесь нужна особенно прочная техника, а пока о таких вещах, как 32 фузте, не может быть и речи. Хороши внешние данные у принца (Ф. Фадеев), но игра и жесты артиста однообразны и холодны, а о его танцевальных возможностях мы так и не узнали, потому что все вариации принца во втором действии были просто-напросто изъяты из спектакля. И только, может быть, один исполнитель — арт. Э. Мионов в роли шута отродно выделялся из всего ансамбля.

Грустное впечатление производят танцы второго акта, поставленные и исполненные на редкость бледно, особенно неаполитанский. Польский танец опять-таки был выброшен. Весь акт — плохой танцевальный дивертиссмент, лишенный настоящего осмысленного сценического действия.

Даже музыка, очень бледно звучащая через динамики, оказалась записью, сделанной по трансляции, и потому в ней слышался шум другого спектакля и даже... начало аплодисментов в конце отдельных номеров! Любопытно, что в программе спектакля напечатана... фамилия дирижера? И здесь же значит, что это ансамбль Новгородской филармонии. Позвольте? А как насчет ленинградского балета? Чему верить?

Итог неутешителен. Повторяем, конечно, условия, в которых проходил спектакль, несомненно, сказались на его уровне. Но и сам коллектив по своему профессиональному мастерству пока не заслуживает столь обильного и ответственного названия. Знали ли об этом в республиканском Гастрольбюро, когда давали ансамблю такую широковегетельную афишу? Проверяли ли этот спектакль и профессиональный уровень ряда его участников перед отъездом на гастроли? Знает ли о состоянии спектакля и об этой своеобразной «редакции» мастер ленинградского балета Гербек, чье имя напечатано на афишах?

Во всяком случае пострадал зритель, доверившийся громкой афише.

А. МИХАЙЛОВ.